

ББК 87.3(2)6
УДК 316.27

В.В. Колесов

РУССКАЯ ДУША

Дается анализ комплекса понятий (духовность – душевность – душа–дух), определяющих архетипрусской культуры, в котором выделяется три основных компонента: аскетизм, терпение (подавление нежелательных импульсов) и смирение (воздержание). Духовность понимается как объединительно религиозное отношение к высшим формам опыта: к абсолютному совершенству или абсолютным святыням; как стремление причаститься к ним, соразмеряя с ними свою жизнь. В народном представлении душа вместе с телом, душа – сущность тела, не плоти земной, но тела: тело – остов, структура исходной формы, т.е. души.

*Закономерность исторических явлений
обратно пропорциональна их духовности.*

Василий Ключевский

Духовность – душевность

Русского человека рвут на части надуманные термины «государство» – «церковь» – «цивилизация». Русский человек – государственник, русский человек – православный, русская цивилизация... А русский человек заломил потрепанную кепчонку, озирается: «Семеро с ложкой...» – и каждый

на себя тянет. Каждый норовит «оформить» его русскость в своем роде и в своих интересах. Не читал русский человек Владимира Соловьева да евразийцев, а у них все верно прописано: в России религия – от Византии, идея государственного могущества («империи») – от варягов и татар, бюрократизм закона и «права» – от немцев, цивилизация и утопические мечтания – от Европы, культура – от Просвещения, идея мессианизма – от Рима («Москва – третий Рим»), идея мессианства – от Израиля и даже «глубокое презрение к человеческой личности и ее достоинству» есть «внутреннее монгольство»: именно в Москве с полумесяцем на православных крестах создана система «тотального подавления личностного начала... и – прочь от одержимого демоническими силами центра»¹.

Не оформлен русский характер, недооформлен русский человек ...Веками травили душу чужим снытьем, а в душу, в ее глубины, так и не проникли. Потемки – чужая душа. Русские философы тщательно проработали понятия «духовность» и «душевность», символически представив их как мужское и женское начало в русском человеке. Неистребимость такого рода органического «дуализма» – родовая черта русского «двоемудрия», она распространяется даже на вероучение (частые попытки присоединить Богородицу к триипостасному лику). Духовность понимается как объединительно религиозное отношение к высшим формам опыта: к абсолютному совершенству или абсолютным святыням; как стремление причаститься к ним, соразмеряя с ними свою жизнь. Даже русский «атеизм» внутренне религиозен, но религиозен в этом именно смысле: равнение на идею идеала, постоянное самоочищение под ее сенью.

Душевность понимается как широта и открытость души, терпимость, терпение и терпеливость, способность к жертвенности во имя такого идеала, тут и «выход за пределы» и «русский размах» – ровной линии нет, потому что и жизнь «кругами идет», и «бесы кружат». Душевность есть явленная духовность, но все же «вещна» она, через чувство и опыт углубляется в жизнь. «Русский человек душевен, – писал Н.А.Бердяев, – но задача состоит в том, чтобы стать духовным». Потому что душевность – это воплощение духовности, но все-таки еще не духовность, «всегда остается соблазн и опасность психологизма, соблазн принять и выдать душевное за духовное. Этот соблазн может обернуться обрядовым или каноническим формализмом, или ласкательной чувствительностью. Всегда это прелесть... Душа вовлекается в игру мнимостей и настроений» – добавлял другой философ, Г.В. Флоровский. – «Нужно расколдовать Россию. Вот главная задача». Духовность сплачивает души, она и ковалась веками, хотя при этом вряд ли корнем ее было «русское благочестие», как полагали евразийцы, или «полное мистическое углубление», или церковь как мистическая организация. Духовность – высокое чувство веры в идеал, который правит Миром. И в этом русская вера.

Душа – символ духа

Душа как символическое обозначение внутреннего мира человека – хорошо известная метафора. Но символический смысл «души» глубже. По набору различительных признаков выделения русская душа как-то соотносится

с английским воображением, а это уже прямая подсказка. Дополнительно к этому – слова народника П.Н. Ткачева: «Русский переводчик переводит английское *mind* словом дух, душа. В русском языке нет слова, вполне соответствующего слову *mind*, но во всяком случае смысл этого последнего слова по-английски далеко не соответствует тому значению русских слов дух, душа, которое им обыкновенно придается в общежитии». Русские слова символичны. Отсюда вывод, сделанный Иваном Ильиным: «Русское созерцающее сердце не довольствуется небожественным, только природным, только светски-эмпирическим образом мира. Оно предрасположено к символической трактовке вещей, скрытой многозначности фактов, к выявлению того таинственного измерения, за которым скрываются божественная сила и доброта, стремящаяся к очевидности». Реальное и идеальное слиты воедино, душевное – оно же и духовное. Для русского сознания символ духовен, а не материален, и каждый новый символ одновременно становится источником для более глубокого символа – дальше и в глубину. Сердце – символ души, душа – символ духа и т.д. Символическое сознание одно и то же может повернуть в любую сторону. Например, для Ивана Ильина дух есть «воздух» и «хлеб» человеческой жизни, ибо человек задыхается и изнемогает без него, а для Ивана Солоневича «под таинственным псевдонимом (т.е. символом! – В.К.) «духа» у нас на практике скрывается всяческая отсталость... Я предпочитаю термин инстинкт. Это, во-первых, яснее «духа». И во-вторых, этот термин не так дискредитирован, как «дух»». Двоение русской мысли и тут: одна и та же категория раскладывается на представление идеальное и в опыте. Осталось привести свидетельства скептиков, в принципе не способных «прочсть» символ души как воплощения духа. Польский философ согласен с пониманием русской духовности как утверждением, согласно которому «обновление человека становится обновлением космоса», в результате чего «увеличивается пространство человеческой ответственности, охватывая весь мир»². Дух в этом смысле помогает видеть совершенный мир: это неприятие условных ценностей, а также компромиссных позиций и решений посредством двойных истин; это глубинное объяснение всех структур мира: мистический реализм. За духом признается право на владение миром, за русской мыслью – право на веру в дух.

Мистицизм доходит до утверждения того, что дух признается некоей энергией в сфере духовного (и сознание тоже – первичный признак материи), так что духовность есть «энергия, порожденная Вселенной». Духовность как чистая энергия предстает как «синкретическая содержательность» человека.

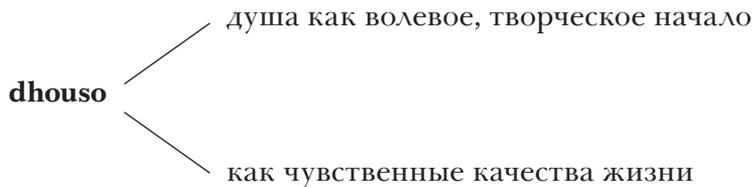
Подобными утверждениями современных философов извне традиции русского философствования завершается период длительного поиска тех сущностей, которые скрываются за русским символом «душа».

Дух как энергия абсолютных смыслов, которым нет конца. «Называя это мое внутреннее бытие душой, мы должны сказать, что душа не замкнута изнутри, не обособлена от всего иного; в направлении внутрь, в глубину, душа не только не встречает нигде своего «конца», какой-либо преграды, ее ограничивающей, но, напротив, расширяется, незаметно переходя в то, что уже не есть «она сама», и сливаясь с ним», – так сформуливал категорию «душа» Семен Франк.

Структура духа

Мы говорим о душевности и духовности, не упоминая интеллектуального в тройственной связи «ум – душа – дух» (уже у ранних неоплатоников это – их «Троица»). Но также и в интуиции русских философов можно заметить последовательное отталкивание от такой троичности в пользу этимологически мотивированного двоения «дух – душа». Связано это с намеренным отторжением неприемлемо обожевленного «разума» (ratio), свойственного западному рационализму.

Для русского сознания всегда важны «глубина души и высота духа», причем «душа есть активность и творчество, как дух есть свобода» (Н. Бердяев). Сопоставление души и духа приводит к утверждению, что дух есть некая «качественность человека», главное и творческое в нем начало, проявляемое в степенях красоты; духовные силы, духовное – это реальность при действительности душевного. Еще одна развертка русского реализма, для которого идеальное столь же реально, как и опыт жизни. Мера духа измерена в любви, мера души – в совести. А философски это означает, по выражению Б.П. Вышеславцева, что «дух, поскольку он есть непосредственная истина, есть нравственная жизнь народа». Получается, что перво-смысл общего понятия «душа» предстает в двоении:

а ум предполагается в металеписе, который соединяет в сознании начало духа и качества души в волевом усилии мысли. Для тех, кто не знаком с риторикой, подскажу: металепис – фигура замены одного слова другим, которое выступает как эмблема, знак заменяемого, не выражая его сущности; происходит это на основе уподобления. В нашем случае «ум» замещает и дух, и душу по выделенным признакам начала и качества, не покушаясь на них самих, не заслоняя их, не претендуя на всеобщность нравственного мышления. Другими словами, не выпячиваясь нагло.

Такова эта русская мысль, которой нужно довериться в вере и очиститься в духе.

Русская вера

Но прежде уточним содержание понятия «вера».

Русские философы и богословы тщательно исследовали это понятие в его отношении к реальности. Они различают веру – религиозность-церковь, т. е., другими словами, «личное чувство – соединение лиц в вере (re-ligio) – духовный собор», или, в удачном определении Ивана Солоневича, так: «Вера

есть внутреннее человеческое ощущение, религия – оформление этого ощущения в догматах и канонах, церковь есть организация и веры, и религии».

Три уровня веры в своем единстве правят человеческим духом: психологическая потребность – логическая необходимость – жизненная неизбежность.

Вера в узком и коренном своем смысле конкретна в типическом, имеет дело с Природой, с вещью, она – объективное. «Вера есть обличение вещей невидимых, – утверждал Бердяев, – знание принудительно, вера – свободна».

Религиозность являет в конкретном общее; «скажу даже больше, всякая народная культура есть живое органическое единство, коренящееся в религии. Почему? Потому что именно религия живет в неосознанных глубинах души, где инстинкт пробивается к своему духовному становлению и откуда творческий дух черпает свою жизненную силу» (И.А. Ильин).

Такая Вера не изменяется – это корень жизни, тогда как религия развивается, преобразуя Церкви по возникающим потребностям («по понятиям»). Именно вера сверх-рациональна (это постоянная мысль персоналиста Бердяева). Вера – бескорыстное убеждение в истине и обладании ею; «Наше внимание сосредоточивается не на том, что человек *верит*, а на том, *во что* он верит» (Л. Карсавин). Вера – несистемная готовность «поверить во все», развивающая легковерие и доверчивость, веру в авторитет и доверие к образцу (типическому идеалу); однако неконкретное «все», а обобщенно типическое, типичное для символического уклона мышления, которое постоянно восполняет личный опыт обращенностью к идеальному («как оно должно быть»), поскольку в вещном мире «нового не ищут». Вера утрачена в формулах логики: в них исчезает символ; «все стремятся упрятать в логические формулы и во всем обнаружить лишь логическую связь», забывая о том, что «логикой живут меньше, чем психологией».

Религия есть вера в Абсолют, т. е. не в идеал, а в идею. «Религиозность невротична», поскольку психологическая напряженность души находится на грани разумного.

Карсавин отмечал живучесть религии природы, а «живучесть языческих образов показывает, как сильна и живуча религиозность, как переплелся культ с религиозной жизнью и как он необходим».

В таком случае традиционная народная вера цельна и органична, несмотря на различие ее источников и частей, на духовный дуализм: противопоставление нежной любви-заботы и суровости закона-права.

Это проявление коренного дуализма русского реализма – идеи и вещи представлены в их уподобленной соотнесенности. Однако русская народная религиозность (не вера, а религиозность) становится уже «троичной». Она трехслойна, ибо совмещает в себе древний культ Матери-Земли (а «матерью не торгуют») и христианства в обеих его формах: древнерусской новозаветной как религии жертвенности и позже усвоенной ветхозаветной как религии закона, отменяющего благодать³.

Не во всяком русском человеке русская вера органически сочетается с религиозностью и культом. Например, о старообрядцах говорят: это – русские протестанты («беспоповцы»), но их протестантизм как бы «наоборот»:

они исповедуют русскую национальную веру, не приняв западного соблазна «новой церкви»; обрядность культа всего лишь частность, она не должна покушаться на веру. В образованном классе, писал Иван Ильин, – народ нередко видит чужих, «иностранных людей», а ведь именно эти «странные люди» и говорят о русскости в церковной ограде. Нравственность в глубине своей тоже вера, от религии мораль получает лишь санкции, но не содержание, не смысл (и вот в этом каждый народ ведет себя по-своему). Средневековые ереси и борцы с ними не разбирались в подобных тонкостях, крушили все подряд, не сознавали того, что уничтожая ереси, убивают религиозность веры в угоду одной лишь (частной) Церкви.

На Западе, по суждению Льва Карсавина, последовательность развития (становления) веры такова: религия > вера > мистика. В России последовательность развития другая, направление мысли иное, соотношение между членами как бы сбито посторонними помехами, и вот: вера > мистика (церкви) > религия – всеохватная религиозность, в социальном своем тоне опрокинувшая мир на долгие времена. Не личная вера, не соборность мистических связей, а внешние формы религии стали господствовать в социальных напряжениях жизни. Религия силы, религия власти, религия идеи, религия... религия... Нет ни мистики, ни веры, а ведь «XXI век будет веком религии и мистики, или его не будет вообще»⁴.

В простом расхождении членов Веры лежит объяснение многих несходств между Востоком и Западом. «Напрасно, слишком узко понимая веру, видеть ее оскудение в современном обществе. Вера – одна из непреходящих сторон человеческой жизни. Она не иссякает, но принимает такие направления, что скрывается из глаз тех, которые ждут ее встретить в заранее определенном месте» – в таком чеканном определении из XIX века, данном философом-лингвистом А.А.Потебней, содержится суть русского понимания Веры как непреходящей составляющей Разума.

Русская вера не чисто религиозна; на это указывают специализированные (типичные) ее признаки, которые выражены во многих словообразовательных комплексах типа «верность, доверие, доверчивость, уверенность», так или иначе определяющих подсознательные установки русской духовности. «Вера» – логически род, лингвистически – гипероним (самое общее понятие). «Русская вера» не поддается схематизации (душа важнее идеи духа) еще и потому, что этическое в ней содержится не в одной лишь идее, но также и в вещи, на которую обращено внимание каждой конкретной мысли в ее предъявлении.

«Сказать, что русские совершенно не имеют своей манеры жить, думать, умирать, обедать, читать, сочинять – нельзя. А стало быть, и сказать, что так-таки совершенно нет «русского духа» – было бы опрометчиво» (В.В. Розанов).

И это действительно так.

Русский язык очень тонко выразил триипостасность веры в отношении к чувству, к разуму и к воле. Каждый русский человек различает (по крайней мере) чувство доверия, верность слову и мысли, уверенность в деле, а отсюда уже и соответствующие схемы поведения: доверчивость как результат дове-

рия, доверительность как проявление верности и доверенность как следствие уверенности в человеке. Нарушение хотя бы одного из этих моментов душевной гармонии каскадом обрушивает все остальные их проявления.

Русская душа

Русские мыслители и о душе говорили в идеально-собирательном смысле, не как о душе отдельного человека, а о «русской душе»; это «душа народа», «подлинная народная душа», «коллективная душа народа», «соборная целостность русской души» и т.д. Исходно собирательное значение имени душа восстанавливается на фоне оппозиита «дух» в крайней его абстрактности.

И хотя «еще доселе никому не удалось определить различие между «духом» и «душой» столь ясно и однозначно, чтобы этим установлены были бы точные границы между этими двумя областями», а «переход от одного к другому здесь, напротив, непрерывен» (С. Франк), попробуем выявить главное в коллективном мнении русских философов относительно их понимания «русской души». И если «вообще этический уровень русской души невысок» (как полагали авторы «Вех»), это находит свое объяснение в истории: «два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая дионисическая стихия и аскетически-монашеское православие. Можно открыть противоположные начала в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядовое и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт» – это слова Николая Бердяева в его размышлениях о «русской идее». Совершенно определенное соотношение черт натуры и характера, органического и благоприобретенного в жестких тисках «цивилизации».

Понятно, что «душа русского человека после отпадения от веры попадает во власть нигилизма. Француз бывает догматиком или скептиком; немец – мистиком или критицистом; русский – апокалиптиком или нигилистом». «Самый трудный удел – удел русской души» (С. Франк), внутренние противоположности которой, по сравнению с другими национальностями, достигают крайних пределов. Необходим выбор. «Нет решимости сделать выбор. Нет воли принять ответственность. Есть что-то артистическое в русской душе, слишком много игры. Душа растягивается, тянется и томится среди очарования...» Но выбор необходим, и «первый шаг в этом направлении должен заключаться в отречении от русского национального мессианизма. Тогда только живые черты нашей национальной физиономии перестанут растворяться в Абсолютном и мы обретем нашу подлинную народную душу. Один и тот же закон действует и в жизни отдельных людей, и в жизни народов. Чтобы сохранить свою душу, народ должен не возлюбить, а возненавидеть ее в мире сем» (Е.Н. Трубецкой).

Исполнить это чрезвычайно трудно, и прежде всего потому, полагал Бердяев, что «душа русская безмерно отличается от византийской: в ней нет византийского лукавства, византийского идолопоклонства перед сильными, культа государственности, схоластики, византийского уныния, жесткости и мрачности». Сила русской души в постоянном отталкивании от инородного, так что и свое «человеческое достоинство мы должны оценивать не по судьбе, а по залогам души» (В. Розанов). Залог души – это дух, и Николай Бердяев настойчиво повторял: «внутренний человек – духовен, а не душевен»; выход – в одухотворении души, что возможно только в определенной культурным творчеством среде, примерно так, как видел это Ключевский: самосознание мы получили через творчество Пушкина, через него же «мы сами стали понятнее и себе самим и чужим» – здесь «впервые обозначился духовный облик русского человека». Таким образом, метафорическое «душа народа», «русская душа» дает представление об идеальном инварианте (символе) «народного Я». Неоднократно обсужденные исходные условия структуризации «русской души» одинаково важны: и географические пространства (В. Ключевский); и место развития (евразийцы), и «женственность» русской души (Н. Бердяев), и «религиозность русского народа» (Н. Лосский), и смешанный характер русского народа (Пыпин), и социальные условия существования (А. Введенский), и многие другие особенности. Этнические и географические условия суть метафоры того же социального и религиозного средства формирования русской души, как и психические и языковые – форма ее осуществления и сохранения во времени и в пространстве. Собираательно структура русской души многогранна и объемна именно как структура, пребывающая в общих, даже общечеловеческих условиях бытия. И хотя «тонкие, невидимые струны, связывающие душу русского человека с его землею и народом, не подлежат рассудочному анализу» именно как проявления индивидуальной души (А. Хомяков), эта сложность души вовсе не от слабости. И тому всегда находим примеры.

...Знакомый журналист передает слова русского солдата, сражавшегося в Приднестровье:

– Они там все на компьютерах рассчитали, думают – нам хана. Но душу в компьютер не вставишь... Думают: нам – конец, а мы встали и пошли! Встали – и пошли. И победили.

Восприятие со стороны

«Душа» – это исходное понятие русской культуры, определяющее ее потенциальные энергии (в понимании трезвых по складу лиц – это «инстинкт»). Со стороны душа видится определенным сплавом черт народного характера, который складывался веками под влиянием различных условий жизни и в разных исторических обстоятельствах. При этом часто забывают о том, что именно соединяет подобные «черты» в общую сумму живого, то есть в душевное нечто. Например, забывают о языке и слове, потому что «ведь это так ясно». А между тем при забвении этого «о мистической душе русского народа можно городить любой вздор и высасывать любые отсебя-

тины из пальцев своей собственной души. Это ни к чему не обязывает, и это ничего не доказывает» (И. Солоневич). Например, как представляет русскую душу польский интеллектуал: русская душа – это «одна из категорий национальной мифологии, не имеющая однозначного соответствия в эмпирической действительности. В массовом сознании это понятие часто совмещается с эпитетом «широкая» (говорят также о широкой русской натуре). С его помощью пытаются определить типичные для русского человека черты характера, каковыми оказываются: безграничная удаль, задумчивость, бескомпромиссность, нравственный максимализм (пресловутое «все или ничего»), общительность, гостеприимство, спонтанность психических реакций, примат сердца над рассудком, склонность к тоске и меланхолии, а также презрение к мелочам, к прагматизму и расчетливости. На бытовом уровне русская душа проявляется якобы в безудержном пьянстве и в последующем состоянии, именуемом «море по колено», а также в привычке «плакаться в жилетку»... Понятие национальной души было заимствовано русскими шеллингианцами у немецких романтиков. С тех пор оно периодически появлялось в трудах тех русских мыслителей, которые противопоставляли себя господствовавшей рационалистической традиции: именно это «понятие» (на самом деле – символ) подчеркивает «особую духовную тождественность русских и России» на основе неопределенного «мистического элемента», который, вместе с тем, создает «антиномичность русской души»⁵.

Видимость объективности в описании «русской души» создается за счет изложения всех «эмпирических» ее проявлений, вплоть до пресловутого «пьянства», однако сомнительно – как при смешении символа с понятием, так и души – с характером. Это категории разного уровня. Польская характеристика основана на интеллигентских самоощущениях русского человека и не учитывает народного представления о «русской душе», которое сложилось еще в Средние века.

В народном представлении душа вовсе не бесплотное, неосязаемое («мистическое») нечто, она имеет образ и подобие тела, в котором пребывает, она и поступает подобно своему телесному воплощению; это энергия формы, созидающей тело. В таком случае душевность есть идеальный эквивалент телесного, не вещно-предметного, а именно телесного. Она, душа, вместе с телом, душа – сущность тела, не плоти земной, но тела, в том самом смысле, в каком это слово и родилось когда-то: тело – остов, структура исходной формы, т.е. души. А не стало тела – и «в чем только душа держится!» Основной аргумент евразийцев в пользу татарщины понятен только точки зрения такого толкования: платила Русь дани в эпоху Ига – верно, но если бы Русью завладел Запад – он вынул бы из нее душу⁶.

Разум и чувство

Общим различительным признаком восточнославянской культуры справедливо признается ориентация на чувство, необходимое и достаточное для интуитивного восприятия Логоса в его цельности. В этом видят основное отличие *Slavia Orthodoxa* от культуры Запада, с характерной для нее

ориентацией на рассудок, необходимый для восприятия *ratio* мира и человека. Психологическая установка от чувства представлялась более важной, чем установка логическая, а противопоставление символа к вещи – существовавшее, чем суждение о самой вещи. Находясь в конфронтации с другими культурами и частично впитывая в себя некоторые их элементы, восточнославянская культурная среда тем самым восполняла себя объективно до цельности, поскольку именно целостность цельного всегда воспринималась как основная ценность, представляла собою живое, то есть реальное. Так создавалось напряжение интеллектуальной и духовной жизни, необходимое для дальнейшего культурного развития; отсюда проистекает и динамизм, и открытость русской культуры. В этом случае важно именно осознание себя на фоне противоположности: «На Западе душа убывает, заменяясь усовершенствованием государственных форм, полицейским благоустройством; совесть заменяется законом, внутреннее побуждение – регламентом, даже благотворительность превращается в механическое дело... Запад потому и развил законность, что чувствовал в себе недостаток правды», – так полагал Константин Аксаков, и кто скажет, что он не прав?

В принципе, согласно русским представлениям, жизнь человека нацелена на идеал хорошего, а не на осуждение или критику отрицательно-плохого. Сходства общего важнее индивидуальных различий. Последнее – этика запретов – составляет содержание Ветхого Завета, тогда как с древности русская нравственность ориентирована на Новый Завет. Плохое – зло – маркировано в отношении к добру и, следовательно, само по себе ясно, в поучениях и комментариях не нуждается. Подобное мнение – универсально русское, многократно подтвержденное русскими умами: «Что такое наша нравственность, нравственное чувство? Это нечто очень произвольное, индивидуальное и неясное; все, что в нем ясно, то отрицательного свойства. Мы твердо знаем такие требования морали: не воруй, не утирай носа пальцами, не прелюбодействуй, не ковыряй в носу при людях, не убий и т. п.» (В. Ключевский). Нравственность запрета по ветхозаветному образцу, органично уложенная в «Домострой» и в последствии именно поэтому всемерно осуждаемая. Быт понятен и сам по себе, как понятна всякая вещь, тогда как в восприятии нуждаются различные степени бытия. Сегодня затруднительно представить себе подобное раздвоение сознания, рациональное воспринимавшего как духовное. Современный публицист мыслительное пространство русской ментальности доводит до искривления. Идеал предстает теперь как категория нравственная, как правда, а не как категория знания и познания, подобно идее правды – истине. Возникает разведение двух ипостасей «истины», воплощенных в двух равноценных по смыслу терминах – знать (это дело ума) и ведать (совершает душа). Не разум определяет поведение человека, его стремление к истине, добру, красоте, а именно слиянность многих качеств характера, порождающих мысли и отзывающихся на внешний мир нерасчлененностью чувств, – душа.

От Нила Сорского, от XV века, идут определения типа умная душа, но и «умное делание» также; ум всегда действие, а с деятельностью связано и возможное зло. Строго говоря, нигде в старинных наших трактатах не най-

дем мы противопоставления души разуму, поскольку издавна полагали русские люди, что душа и есть ум («умная душа»), что духовность и душевность разграничивают интеллектуальную и чувственную стороны одного и того же – разума. Мудрость духа и чувство души – явления разные, но только как явления. Как сущности они почитались иначе – как одно общее, как цельность. Но в народе символ «душа» связан сразу со всеми нравственными чертами личности, именно нравственными, то есть сугубо положительными. Для нее характерно преобладание внутренней свободы над внешним оформлением. Воля – повыше формы, стесняющей душу. «Здесь все дело решается не своим мнением, а совестью, одинаковой для всех, и потому здесь не может быть (между прочим) самозванцев» (В.С. Соловьев); следовательно, «человек человеку должен быть не средство, а цель: эта формула и есть нравственный закон. Это то, чего хочет совесть». Сравним с французской совестью, она же сознательность⁷: тут совесть – существо враждебное человеку, с ним человек борется – и совесть уступает, ибо внутренне противоречива, ведь сам человек может спокойно ее подавить. Совесть здесь овеществляется, так что французское сознание «нашло способы справляться с этим неудобным изобретением христианской морали»; прагматизм и активность взяли верх над христианской идеей ответственности человека перед Богом за свои деяния – с точки зрения практической целесообразности, а не с точки зрения абстрактного блага. У русских же именно в совести и проявляется чувство ответственности. Западный человек отказывает русскому в этом чувстве, потому что ищет не там, не в совести (которая для него пустяк), а в рациональной сознательности.

Русская психология

«Психология русского народа, – заметил Иван Солоневич, – была подана всему читающему миру сквозь призму дворянской литературы и дворянского мироощущения», в конфликтах, видимых с одной только стороны; норму идеала не описывали, на нее намекали через определенную идею. Разорванность русской психологии, ее несводимость к общему объясняются именно этим: «Весь европейский социализм пронизан ненавистью к крестьянству – и наш тоже». Крестьянский в социальном, христианский в конфессиональном смысле народ получил «этикетку», которая не соответствовала содержанию народного духа. С XVIII века социальные границы лишили русских общей культуры, приводя тем самым и к раздвоению психического склада. В русском языке XVIII в. около 400 слов обозначали психические переживания человека (из них около 160 – новые слова, в основном заимствованные или образованные от старых слов с помощью отвлеченных суффиксов). Возникал и развивался интерес к внутреннему миру человека. Христианская идея «души» преобразовалась в светское понятие «психики»; символ становился однозначно ущербным понятием. Настоящему русскому, коренному и простому, в высшей степени присуща духовная черта, которую Солоневич назвал «совестливость». Именно так: не совесть,

а сове́стли́вость. В чем различие между ними, мы и пытаемся уяснить теперь, когда враждебные ураганы разнесли по путям и торжищам прах от сгоревшей совести, сохранив, схоронивши до лучших времен, в душах русскую сове́стли́вость. Для западного интеллектуала духовный человек – это человек естественный (в физическом и интеллектуальном аспектах жития), на которого нисходит благодать в виде сверхчувственного, нисходящего свыше озарения; для восточного же христианства человек с самого начала неотъемлемо и по природе харизматичен – а все остальное (чувства и разум) вторично. «То, что на Западе называется «естественным – сверхъестественным», авторы Востока называют просто «человеческое – божественное», «тварное – нетварное»⁸. Основная ересь Запада – пелагианство, «умалывшее значение божественной благодати», основная ересь восточного христианства – манихейство, признававшее одинаковую силу земного и небесного (формула философского реализма). Но на Западе представлено (в мысли) восхождение от вещного к вечному, на Востоке – схождение с вечного (идеи) к вещному (к миру). Отсюда множество чисто практических следствий, например: для западного человека лукавство или насилие столь же «естественны», что и «святой Дух»⁹.

Порицая русского человека за некоторые особенности «национальной психологии», Густав Шпет, сам того не ведая, воздавал ему хвалу, ибо выражал неприятие тех психических черт, которые именно с русской точки зрения являются основополагающими. Вот его слова: «Национальная русская психология: самоедство, ответственность перед призраками будущих поколений, иллюзионизм, неумение и нелюбовь жить в настоящем, суетливое беспокойство о вечном, мечте о покое и счастье, конечно, всеобщем»¹⁰. Это не что иное, как признание за русским человеком чувства ответственности за будущее, идеальное представление о вечном, всеобщем, обязательном – тот самый реализм, который всегда остается коренной психологической установкой на всеобъемлющую идею, а не на сиюминутную вещь. Скорее прав Семен Франк, мимоходом бросивший мысль о том, что только русская психология есть именно психология, наука о душе, основанная на идее духа, и даже больше: метапсихология. В Западной Европе она давно подменяется физиологией, т.е. наукой о теле, в котором душа пребывает (достаточно вспомнить о Фрейте). Поэтому и русский писатель для западного читателя является прежде всего психологом и философом, и только потом беллетристом; в таком именно духе пишут о Достоевском, Толстом, Гоголе. Такова традиция глубокого русского реализма, ныне сменяющегося поверхностной беллетристикой. Все имеет свои пределы и границы, и взгляд на них часто субъективен. То, что Шпет назвал «самоедством», т.е. повышенной степенью саморефлексии, Александр Солженицын именуется «готовностью к самоосуждению, к раскаянию», иногда, конечно, и чрезмерному в своей беспредельности, однако и очищающему душу, снимающему с нее накипь непосильных психологических нагрузок.

Русская душевность

Н.О. Лосский записал: первичное свойство русского человека – доброта; особенно славятся жалостью сердца русские женщины. В этом и есть смысл русской душевности.

– Да, – отвечает Федотов, – русский человек воистину добр; но часто он и жесток. Жестоким он может быть в любом состоянии чувств, и в «спокойном бесчувствии», и в «мгновенной вспышке ярости».

– Все-таки нет, – сомневается Лосский. – жестокость у русских всего лишь средство устрашения, например, преступников; но такова вообще сущность органов власти.

– Пожалуй, – согласен Федотов, – пожалуй, что так. Русский человек добр именно в жалости, безжалостность же изменяет и точку зрения; злость ослепляет – она вызывает жестокость.

В проявлениях доброты важны ведь оттенки, такие же, какие есть и в самом добре. Доброта и симпатия – не одно и то же, защищают смысл иностранного слова. Верно, развитие литературного языка вообще заключается в том, чтобы с помощью новообразований и заимствованных слов все более уточнять и углублять вековечные смыслы русских символов-слов; как в данном случае – русского понимания доброты и добра, когда, высекая из символа его оттенки, являли их миру как законченные понятия.

Чтобы мир этот понял пределы добра.

«В России жестокость – страсть и распущенность, но не принцип и не порядок. Иное у немцев...» – заметил в эмиграции Федор Степун. Не разумные основания под жестоким поступком, но стихия и вольница, т.е. чувство.

Вместе с тем сочетание твердости с кротостью – суть русскости, по Солженицыну; эту двойственность русской природы – слияние кротости с насилием – вслед за Достоевским и описывает Солженицын в своих текстах. Преодолеть подобную двойственность можно, пожалуй, только «в русской призванности к жертве» (а это мнение Георгия Федотова).

Средоточием чувства красоты для русского человека является душа. Душа, умеющая видеть красоту, не может ни гневаться, ни мстить, – заметил Вышеславцев, – она «вбирает в себя весь мир и любит весь мир, может только прощать», – «и это совершенно национально».

Так красота порождает мудрость.

С точки зрения идеи подчеркивается, например, инерционность чувств русского человека¹¹. Замедленная реакция на конкретное действие, на дело («задним умом крепок»), но немедленный отзыв на слово. Не сосредоточенность серьезного движения чувств, а заменяющее ее упорство; гнев, веселье, отвага – русский не сразу выходит из состояния аффекта, вызванного словом. Очень верное наблюдение, и оно о том же: подчеркивает реактивность отношения «слово – идея» и известную заторможенность в соотношениях «слово – дело», «дело – идея» во взаимных их соответствиях, создающих реальность действия; выражаясь научно – «реакций на сигнал»).

Обратным ходом мысли таков ответ на русский реализм, согласно которому выше идеи нет ничего, а идея дана – в слове.

Реакцию на слово психолог называет раздражительностью. Русский психологический тип таков, что человеку свойственны основательность, умение

добиваться результата (настойчивость), внимание к мелочам (педантичное «занудство»), спокойствие (невозмутимость) и терпение. Такое впечатление, словно сказано не о нас, ведь у современного русского все прямым образом наоборот. Сказано о нас прошлых, может быть, и будущих. А.П. Щапов описывал типичного русского человека его времени (середина XIX в.): «Терпеливость русского народа, его неприхотливость, выдержанность, смирение; он может отличаться спокойным глубокомыслием, не скорыми, но основательными, отчетливыми и строго последовательными выводами мышления, рассудительностью и обдуманностью действий, твердостью и постоянством характера, упорно-твердую энергиею и настойчивостью в практическом труде и начинании», особенно в тяжелое время, когда «люди могут естественно побуждаться к коллективному социальному концентрированию и усилению энергии и деятельности этих своих индивидуальных умственных и нравственных сил», потому что коллективизм их им присущ органически. При всем том соединяет все эти качества душевный порыв, действие души, потому что для русского человека остается обязательным интуитивное «господство внешних чувств над разумом».

Сегодня уже не то. Постоянно слышишь и читаешь о крайностях в проявлении чувств: мрачность и одновременно детскость (Г. Федотов), открытость при простоватости (А. Солженицын), застенчивость при самоуверенности (Г. Гачев), кротость при крутости (Г. Тульчинский) или вот еще: душа нараспашку – и боязнь открыться... Метания широкой русской души объясняют по-разному. Говорят о семидесяти годах коммунистического «засилия», однако именно в эти годы наметилось некоторое возвращение к традиционной русской ментальности, теперь в очередной раз прерванное. Говорят о стремлении русского человека к сытой «западной» жизни, ради которой он, якобы, готов отказаться от наследия предков¹² – но навязчивое отчуждение от русской культурной традиции определяет не простой человек, а его «вожди», которые и слыхом не слыхивали о русской ментальности (или сознательно решили ее переломить). Говорят о внутренней противоречивости русского характера, по-разному оценивающего одно и то же дома и на стороне: у себя дома неуверенность, чувство виноватости – на стороне самоуверен и «даже нагл: несет свой Логос»¹³.

Все такие утверждения несправедливы; по многим наблюдениям выходит, что как раз «на стороне» русский человек и кроток, и мягок, и даже весьма почителен.

Да и как не понять, что не одинаковая реакция на вызов есть разный ответ на различное к тебе обращение? «Умение уживаться с людьми как свойство русского характера на Западе называют «бесформенностью славянской души». Если вы предпочитаете историческую терминологию Достоевского, – можете говорить о «все-человечности». Если вам нравится философия, то вы можете использовать шубартовский «иоаннический эон», эон, конечно, звучит наиболее здорово. Я предпочитаю оперировать термином «уживчивость». Но «как и все в этом мире, ограничена и русская уживчивость. Граница проходит по другому термину, который я оп-

ределит бы как «не замай»: уживчивость, но с некоторой оговоркой... Русскую государственность создали два принципа: а) уживчивость и б) «не замай». Если бы не было первого – мы не могли бы создать *империи*. Если бы не было второго, то на месте этой империи возник бы чей-нибудь протекторат». Так что, обобщая, повторим за автором этих строк сказанное о русском упорстве, «которое характеризует всю дальнейшую русскую историю: русская «доминанта» пересидела все остальные» (И. Солоневич).

Крайности сходятся в деле, и лучше до этого дела не доводить: не то – беда! Не следует забывать, что сами «русские нечасто способны на компромисс, и само это слово, полное в западном мире великого творческого и миротворческого значения, на русском языке носит на себе печать мелкой подлости», – заметила эмигрантка Берберова.

Глубина и широта натуры

На возвышенность переживаемых чувств русский человек не претендует. Высота оправдана идеалом, и чем ближе к нему, тем выше полет чувств. Иное дело глубина переживаний, тут тоже возможны свои крайности.

Широта переживаний предстает как страстность.

Страстность стихийна, и природную ее стихийность подчеркивали ранние славянофилы. Широта натуры определена искони – это «органическая нелюбовь ко всякой законченности формы» (Федотов).

Страстность как несоединимость чувства и воли бросает человека «очертя голову» на самые невероятные дела. Но что поделать, сама «душа есть *страсть*», – заметил Розанов. Неумеренность чувства и безрассудство соседствуют со страстным желанием померяться силой с судьбой – авось пронесет. Так что основная моральная установка славянофилов: гореть, а не дымить чадом – есть установка на неизбывную страстность.

Отрицание как проявление остаточного язычества в русской душе – тоже частая тема размышлений. Например, «языческое отрицание в политике – это страстное стремление уничтожить, яростное разрушение.., которое рождает особую религию отрицания. Несомненно, в русский нигилизм вложен страстный духовный поиск – «поиск абсолютного, хотя абсолют здесь равен нулю» (С.Л. Франк).

Психологический архетип

Психологи так определяют основные признаки русского архетипа: аскетизм, репрессия импульсов (терпение), воздержание (смирение)¹⁴. Такой архетип конечно же вступает в противоречие с современным «прогрессивным движением» в сторону материального благополучия, т. е. вниз, прямоком к вещи и в отход от идеала. «Здание культуры духовно опустело», – так оценил движение «к вещи» Павел Флоренский.

В русском культурном архетипе, таким образом, три основных компонента: аскетизм, терпение (подавление нежелательных импульсов) и сми-

рение (воздержание). Все они – социально ориентированные черты; они заданы традиционной христианской культурой и воспитывают в русском человеке нормы правильного поведения. Поведения, ведущего к праведности и к поиску правды.

Самоограничение в аскезе есть следование природе. Природа не расточительна. Она избирательна. Отсюда проистекает та ненависть к вещизму, к накопительству, в конечном счете «презрение к мещанству» (Лосский), которую никакие призывы к «рыночной экономике», видимо, преодолеть не смогут в массе русских людей. Аскеза – наша главная ценность, не раз спасавшая Россию в трудные для нее времена. Мода и правила новой жизни, пришедшие из других культур, вывели эту ценность на кривую, лишив тем самым главного – свободы духа (Касьянова). Русские философы всегда непримиримы к «новому духу наживы» – «это стремление бесконечную свою потребность удовлетворить конечным, по существу, нелепо» (П. Флоренский), потому что конкретность роскоши или денег (вещь) не утолят чувство идеального (идеал идеи), телесным никогда до конца не насытят духовно.

Аскетизм сродни созерцательности (Новгородцев), с которой его смешивают. Но созерцательное отношение к жизни, к вещи, не исключает аскетического к ним же отношения. Созерцательность оправдывает аскетизм с точки зрения высокой идеи. Созерцательность – это и раскаяние за излишества, о «раскаянии и самоограничении как категориях национальной жизни» постоянно напоминает современный моралист – Солженицын. Личная жертва должна быть принесена – как искупление человеком своей вины перед порушенной Природой.

Чувство справедливости присуще всем народам: все хотят жить по справедливости. Но «идея справедливости – Божьей Правды на грешной земле – пронизывает нашу историю» особенно, – заметил Иван Солоневич. Справедливость выше даже свободы, – говорит один. Нет, отвечают другие, только не для русских, у русских доминирует идея любви, а не справедливости, совести, а не справедливости; русский народный идеал – личная святость, а не общественная справедливость. Но справедливость, как и все в этом мире, трехмерна, она представлена в степенях, органично и плавно охватывая и любовь, и совесть (в народном сознании это одно и то же).

Русский идеал

У каждого народа имеется своя национальная идея – именно она и создает нацию. Со времен Кромвеля английская идея – идея благословенного сословия в божьем избранничестве на земле (Британская империя в своем предначертании есть мировой арбитр). Эта идея – политическая. Французская национальная идея состоит в стремлении к духовному лидерству в мире – культурная миссия законодательницы мод и всего изящного. Немецкая идея как бы между этими двумя, между английской цивилизацией и французской культурой. Но в общем «у немцев нет национальной идеи, что является

следствием их крайнего «точечного» чувства» нет потребности сделать вклад в общечеловеческие ценности (здесь без кавычек). У испанцев идея тоже идет со времен Средневековья, она заключается в распространении христианства и сбережении единства христианской веры. У русских, как и во всем всегда, является синтез действительного и реального – идеи и вещи: «национальной идеей является спасение человечества русскими». Непосильность и невозможность свершения идеала не остановит русских, поскольку такая идея соединяет русский народ.

Классический пример нарушения лада – Россия последних десятилетий. Она стала сточной канавой европейского глубокомыслия, и канал реалистического действия оказался замусоренным чужими идеями. Теперь говорят и пишут, что все идеи современного мира: социализм, коммунизм, фашизм и т.п. суть изобретения западноевропейского рационализма и номинализма. Попытки связать их проявление в России как действие «русской идеи» ошибочны, ведут к подмене тезиса: частные элементы сходства возводят в абсолютное тождество, чужую идею соотносят с русским идеалом.

Нам нужна творческая идея, способная вести нас вперед, постоянно преобразуясь и совершенствуясь.

Душа устремляется к Духу как родственному своему, потому что «внутренний человек – духовен, а не душевен». Здесь нет никакой мистики, простое утверждение, согласно которому нравственность изнутри и извне одинаково одухотворена – это и дух, и душа в их совместном проявлении.

«Идеи витают в воздухе», а идеалы – бесплотны, но всеми ощущаются. Все дело в том, в каком виде те и другие являются в мир. Идеалы – идеи – символы, которые необходимо перевести в понятия, чтобы их поняли все, ухватили сознанием, вылавливая в глубинах подсознательного.

¹ Прокофьев С.О. Духовные судьбы России. – М., 1995. – С. 167.

² Брода М. Понять Россию? – М., 1998. – С. 90–91.

³ Федотов Г.П. Стихи духовные: русская народная вера по духовным стихам. – М., 1991. – С. 117–119.

⁴ Горичева Т.М. Христианство и современный мир. – СПб., 1996. – С. 105.

⁵ Идеи в России. Leksykon pod redakcja A. de Lazari. T.2. – Lodz. 2000.

⁶ Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 334.

⁷ См.: Головановская М.Г. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. – М., 1997. – С.145–146.

⁸ Шпидлик Ф. Духовная традиция восточного христианства. Систематическое изложение. – М., 2000. – С. 79.

⁹ Там же. – С. 80.

¹⁰ Шпет Г.Г. Сочинения. – М., 1989. – С.52.

¹¹ Касьянова К. О русском национальном характере. – М., 1994. – С. 122.

¹² Там же С. 129.

¹³ Гачев Г. Русская дума: портреты русских мыслителей. – М., 1991. – С. 148–151.

¹⁴ Касьянова К. О русском национальном характере. – С. 216.